

В ГОСТЯХ У КЛУБА ИСКУССТВ МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ ГРУЗИИ

Скромная, требовательная к себе Маквала ГОНАШВИЛИ даже опытных литераторов поражает своей трудоспособностью и широтой творческих возможностей. Она — автор телевизионных сказок, пьес. По ее сценариям снимают фильмы на киностудии «Грузия-фильм». Но, прежде всего, Маквала — поэт. С очень зорким видением, с индивидуальной образной стилистикой. В ее поэзии органично уживаются эпическая неторопливость и лирическая динамика, фольклорная отстраненность и актуальность современника.

Поэзии Вахтанга ХАРЧИЛАВЫ свойственна недосказанность, недопроявленность чувств. На самом деле, эта ткань полутонов одушевлена полифонией мироощущений, чуткостью и болью поэта.

Вахтанг — лауреат премии В. Маяковского. Маквала — победитель поэтических фестивалей. Оба поэта молоды, но их хорошо знают и любят на родине. Они — авторы не одной поэтической книги на родном языке. Надеемся, что вскоре русский читатель познакомится с новыми книгами Маквалы Гонашвили и Вахтанга Харчилавы и в переводе на русский язык.

Маквала ГОНАШВИЛИ

СПАСЕНИЕ

Для кого этот бубен бряцает?

Для кого барабан отзвучал?

Где далекое эхо стихает?

...Полдень. Зной. Безымянный вокзал.

Однодневный роман, как банальная драма:

Молчаливый кавказец. Он нежен и горд.

И славянка.

А здесь наши дамы —

обездоленных судеб укор.

Как тоскуют о ласках они и сомненьях.

(Но минуты помчатся, и дни промелькнут).

Как скучают о ревности и об изменах
наши дамы, которые больше не ждут
ни друзей, ни любимых с войны и охоты,
не судачат о бедах чужих без прикрас,
не бранят ни судьбу, ни соседей...

Напротив.

Не винят зеркала за морщинки у глаз.

Все забыто давно — верлибр и романсы,

обесценен сонет, как былые грехи.

Не тревожат изысканный слух ассонансы.

И красивые рифмы сдали в архив.

Ни к чему эти струны. Как на постое,

в нашем городе тени бесполох людей.

Даже правда сама и полправды не стоит,

если ложью ее не приправить сильнее.

Пробудить бы от сна, да голос не властен.

Если б мощный набат, чтоб развеялась мгла!

Но молчат города, как рощи в ненастье —

безъязыкими стали колокола.

Ни вражда, ни любовь нашу плоть не терзают.

Все исхлестано плетью лозы.

И, наверное, этим стихам не хватает

светлой грусти и теплой слезы.

Чем помочь? — болтовней и зевотой всеобщей

иль стихами?.. Но как исцелить до конца

подлеца, оскотенного клятвой всеобщей,

и гашишем отравленного глупца?

Нелегко возвратиться из снов безмятежных...

Но как солнечный свет, призывая спасенье,

собирают в душе по крупичкам надежду.

И слова отступают, как отзвук и тени.

* * *

ВАХТАНГ ХАРЧИЛАВА

Прервался мой бег. Мне уже двадцать восемь...

Листком календарным цифры алеют.

О, возраст луны, я достиг тебя гостем,

а стану хозяином лишь на мгновенье.

Небесная твердь раскололась на части.

О, вечное небо — аквариум бездонный,

наполненный синью и звездным дыханьем.

Но все, что пролито, назад не польется.

Мне тоже пора расплескаться по каплям.

Но как не хочу я забыть ваши окна,

мелодию голоса, смятение взгляда...

Как долго я шел, собирая по крохам

надежду и боль, сновиденья, обиды,

полуденный свет, добывая из мрака.

А небо наотмашь облаком били,

пока, наконец-то, меня изваяло.

Зачем? Чтобы снова разрушить, развеять,

смешав мою плоть с травой и тленом?

Уже поднялись темнокрылые ветры

и застыли глаза ночною завесой.

Зачем же влекли меня звездные выси,

зачем же я рос, наполнялся сияньем,

если с рожденья во мне поселился

немеркнувший призрак бессильного старца?

Перевела с грузинского
Елена ЮДКОВСКАЯ.

Сев. Цирк, 1989, 18-е апреля